

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. В. Анисимов¹

НИУ «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)

УДК: 94(47) 05

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, КАК ЕЕ ЗАДУМАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Правление Петра Великого (1682–1725) известно не только превращением России в могущественную империю, но коренным изменением ее экономики, стремительным развитием промышленности. Эти перемены были продиктованы ведением Северной войны со шведами, а также представлениями Петра о том, как нужно управлять экономикой. В статье рассматриваются два главных аспекта политики — в отношении торговли и в отношении промышленности. Для купечества России эта эпоха стала тяжелым временем фактического разорения. На купечество и горожан вообще были наложены огромные налоги и различные повинности, но самое главное — государство активно вмешалось в бизнес, фактически отбирая его в казну и вводя монополии на покупку и продажу сырья и товаров. Лишь к концу царствования Петра I система давления на купечество была ослаблена. Иначе развивалась промышленность. Государство использовало все средства для развития мануфактурного производства, особенно тех секторов, которые были ориентированы на военные нужды. Власти развернули всю систему протекционизма, всячески содействуя организаторам производства финансами, льготами, защищая продукцию предприятий от конкуренции иностранных товаров. В итоге, были созданы, в сущности, тепличные условия для развития промышленности. Особым был вопрос о рабочей силе. Правительство пошло путем прикрепления к заводам окрестных крестьян, а потом разрешило владельцам мануфактур покупать крепостных. Эти вынужденные обстоятельства меры способствовали превращению промышленности в разновидность крепостного хозяйства, что крайне негативно сказалось на становлении русского капитализма.

Ключевые слова: Петр Великий, экономика, торговля, промышленность, протекционизм, крепостное право, купечество.

Цитировать статью: Анисимов, Е. В. (2023). Индустриализация, как ее задумал Петр Великий. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 147–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-9>.

¹ Анисимов Евгений Викторович — д.и.н., профессор, г.н.с. Центра исторических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); e-mail: vbrevis@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9093-586X.

E. V. Anisimov
HSE University (St. Petersburg, Russia)
JEL: D91, L80

INDUSTRIALIZATION AS CONCEIVED BY PETER THE GREAT

The reign of Peter the Great (1682–1725) is known not only for transforming Russia into a powerful empire but for a radical change in its economy and rapid industrial development. These changes were dictated by the Northern War with the Swedes and Peter's ideas on how to manage the economy. The article examines two main aspects of the policy — in relation to trade and industry. For Russia's merchants this era was a difficult time entailing their actual ruin. Huge taxes and various duties were imposed on merchants and townspeople in general with state active intervention in business, taking it away from entrepreneurs and introducing monopolies for purchase and sale of raw materials and goods. Only towards the end of Peter I reign the system of pressure on merchants weakened. Industry followed a different path: the state used all its means to develop manufacturing. Officials took special care of the sectors focused on military needs. The authorities launched a broad program of protectionism, they in every way assisted the organizers of production, with finance, benefits, protecting the enterprises from foreign competition. It resulted in greenhouse conditions for industrial development. A special issue was labor force at enterprises: the government developed the procedure of attaching local peasants to factories, allowing the owners of manufactories to buy out serfs. These measures contributed to the transformation of industry into a kind of serfdom. All this had an extremely negative impact on the formation of Russian capitalism and the future of Russia.

Keywords: Peter the Great, economy, trade, industry, protectionism, serfdom, merchants.

To cite this document: Anisimov, E. V. (2023). Industrialization as conceived by Peter the Great. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 147–158. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-9>.

Введение

Россия времен правления Петра Великого (1689–1725) совершила впечатляющий прорыв в разных областях человеческой деятельности, она вышла из петровских реформ могущественной империей. Немалый вклад в этот успех внесла и почти внезапно возникшая промышленность России. Этот факт приводил многих авторов, как специальных исследований, так и популярных работ к однозначной положительной оценке происшедшего (Сомов, 1947). Действительно, успехи промышленного строительства времен Петра были впечатляющими и их можно назвать «петровской индустриализацией». В данной статье предпринимается (вслед за исследованием Н. И. Павленко) попытка детально рассмотреть различные, в том

числе негативные стороны торговой и промышленной, а шире — экономической, политики Петра.

Взгляды Петра на экономику

Если думать, что у Петра все-таки были какие-то взгляды на экономику, которыми он руководствовался в своей экономической политике, то они были весьма приблизительны и целиком укладывались в популярные тогда в Европе XVII в. концепции. В первую очередь это меркантилизм с его фетишем — золотом, получаемым преимущественно за счет внешней торговли своими товарами или сырьем, а также за счет посреднической торговли. Все с завистью смотрели на здание Амстердамской ратуши, в подвалах которой якобы лежали (в виде золотых слитков) шесть годовых бюджетов Нидерландов. Отмечу сразу, что у Петра была и своя высокая имперская мечта — обогатиться за счет того, чтобы сделать Россию транзитной территорией для перевоза товаров с Востока на Запад и с Запада на Восток по построенным каналам, рекам России с выходом, с одной стороны на Балтику, а с другой — на Каспий, к построенному в будущем в устье Куры Новому Петербургу, затем к русским колониям в Персии и далее по контролируемым Россией территориям до Индии. Так, мечтал Петр, можно было бы повернуть традиционный транзит с Востока на Запад, проходивший через владения Османской Турции.

Идеям меркантилизма соответствовал протекционизм, понимаемый как торговая, экономическая политика, мешавшая с помощью высоких таможенных пошлин проникать на отечественный рынок иностранным товарам с одновременным развитием собственной промышленности, выпускающей сходные товары. Неоднократно в своих указах Петр писал почти буквально о режиме импортозамещения, о необходимости нанимать иностранных мастеров для налаживания отечественного производства (Письма и бумаги Петра Великого, 1956, т. 10, с. 24; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, 1872). Правда, из всех таких начинаний почти ничего не получилось — замены английскому сукну, голландским ружьям, французским инструментам и винам в России так и не нашли, хотя строили свои суконные мануфактуры, поощряли оружейников Тулы и Сестрорецка, разводили виноград в Астрахани. Более того, европейские экономические теории при реализации их в России получали какое-то странное, искаженное до неузнаваемости воплощение.

Русское купечество под гнетом государства

Собственно, когда началось то, что мы условно назовем экономической политикой Петра? Конечно, можно вспомнить отдельные меропри-

ятия власти в конце XVII в., но все-таки исходной датой активизации экономической политики стало начало XVIII в., точнее — 1700 г., когда Россия, начавшая войну против Швеции, потерпела от шведов сокрушительное поражение под Нарвой. Для восстановления и усиления армии, продолжения ведения войны срочно были нужны металл, сукно, оружие. Резко активизируется торговая политика, нацеленная на вывоз из страны сырья и полуфабрикатов в обмен на завоз оружия (в основном стрелкового, голландского), усиливается производство пушек на карельских заводах. Но все-таки более всего режим нуждался в деньгах. Петр выразился в 1711 г. по этому поводу кратко: «Деньги — суть артериею войны» (Письма и бумаги Петра Великого, 1956, т. 10, с. 434). Свободных денег у государства не было, банки в стране отсутствовали, получить заем в развитых странах не удалось, а собственные месторождения золота и серебра тогда еще не открыли. Следовательно, деньги на войну можно было «добыть» только путем налогов и повинностей с собственных плательщиков, причем в основном с городского населения, купечества, у которого, в отличие от крестьян, водились деньги. В 1699 г. была создана Ратуша, или Бурмистерская палата, сосредоточившая в своих руках административную и фискальную власть над городами, выведенными из-под юрисдикции местных воевод. Ратуша с началом войны стала главным фискальным органом и кассой государства, обеспечивая потребности казны в деньгах, шедших на войну. В 1704 г. появилась Ингерманландская канцелярия косвенных сборов. Благодаря инициативе так называемых «прибыльщиков» — прожектеров, придумавших все новые и новые косвенные налоги с самых разных объектов, приносивших прибыль (соль, пчелы, рыболовство, бани, продаж лошадей). Ингерманландская канцелярия облагала налогами и такие невиданные прежде объекты вроде прорубей, а летом плотов, с которых бабы полоскали белье (Акишин, 2012; Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 4, с. 280–281). Но все же главный упор был сделан на сборы ординарных, а также чрезвычайных налогов и повинностей, список которых непрерывно увеличивался. Власти стали уделять особое внимание регулярному сбору налогов и выколачиванию недоимок, применяя разные формы насилия, начиная с посылки так называемых «понудителей» — командированных в губернии и города гвардейцев с чрезвычайными полномочиями и кончая конфискацией имущества. С этого момента с помощью фискальной дубины начался подлинный разгром традиционного русского купечества — той креативной категории населения, которая могла, при другом подходе, стать русской буржуазией (Павленко, 1978). В регламенте Главного Магистрата 1721 г. констатировалось: «Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось и уже то есть не без важного государственного вреда»

(Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 6, с. 296). В этом документе нет преувеличений — факты показывают, что купечество резко обеднело, разорились прежде процветающие купеческие фамилии. Жесткая политика выколачивания денег проводилась разными, подчас свирепыми способами. Среди них особенно болезненным для купечества было массовое внедрение государства в сферу бизнеса посредством установления монополий, распространилась практика «выталкивания» купечества из тех сфер торговли (особенно оптовой), которые казались государству выгодными. Справиться с таким «конкурентом», который сам устанавливал правила игры, или с теми избранными купцами, которые получали от власти откупа, было не по силам даже богатым купцам-оптовикам. С началом войны созданные монопольные компании в разных сырьевых сферах формируют люди, находившиеся при власти (вроде А. Д. Меншикова, П. П. Шафирова и его родни), получая при этом невиданные привилегии в ущерб купечеству и промысловикам (Дадыкина, Крайковский, 2014). С этого момента особенно отчетливо видно столь характерное для России последующих времен преступное слияние власти и бизнеса. 1714 г. стал рекордным по числу различных казенных монополий (на юфть, деготь, смолу, пеньку, поташ и др.). Те места, где производились эти экспортные товары и сырье, становились заповедными, купцам разрешалось заготавливать их только после того, как агент казны сделает необходимые закупки. Государство-монополист получало огромные доходы, отнимая их у купцов. Несмотря на то, что государству так и не удалось в полной мере реализовать монопольные права на торговлю многими товарами, объявленными монопольными (доля казенной торговли не превышала 10–12%). Как считал Н. И. Павленко, «дезорганизирующее влияние участия казны в торговых операциях на функционирование торгового капитала далеко превосходило названные проценты. Даже ограниченное вторжение государства в торговые операции пагубно отражалось на хозяйственной деятельности купцов». Эта практика негативно сказывалась на установившихся деловых отношениях «во всей иерархии русских купцов, состоявшей из оптовиков..., скупщиков меньшего масштаба, лавочников и, наконец, торговцев, продававших товары “похода”» (Павленко, 1978, с. 59–60). Примечательно, что откупа на продажу ряда товаров за границу отдавались преимущественно иностранным купцам — естественно в погоне за валютой (Черкасова, 1999). Государство грубо вмешивалось в сам бизнес. Так что, видя, как откупщики и подрядчики богатеют, Петром в 1715 г. была предпринята (правда, неудачная) вещь невиданная — попытка ввести норму на прибыль — не более 10% (Голиков, 1838, с. 19).

С переносом столицы в Петербург важнейшим элементом экономической и социальной политики власти стала принудительная переориентация (с 1713 г.) торговых потоков с освоенного с давних времен архангельского направления в другую сторону — на Петербург. Тогда он стоял

в дальней пустынной окраине, лишенной проездных дорог и закрытой, в силу господства на Балтике шведского флота, для выхода товаров в Европу. Насильственные меры, предпринятые властью в переносе торговли с Севера в Петербург, вели к разорению купечества, традиционно ориентированного на Архангельск, причем удар наносился и по множеству работных людей, обслуживавших водные пути из центра на север (Репин, 1983). К этому следует добавить и насильственные переселения купечества в новую столицу, причем власть строго следила, чтобы переселялись состоятельные, богатые купцы. Отдельной сагой стала длительная борьба власти с так называемыми «староманирными» судами — привычными и дешевыми средствами транспортировки товаров в один конец, обычно вниз по рекам. Строить новые европейские суда купцы не хотели — уж очень дорого такие суда им обходились (Брызгалов, 2011). Но все-таки главным было то, что купечество душили чрезвычайными налогами, десятками натуральных повинностей, постоем войск, различного рода службами. Особо тяжелы для купечества и горожан были многочисленные и почти непрерывные службы в качестве целовальников при водочной, соляной и прочей казенной торговле, причем они были ответственны за казенные доходы своим состоянием.

Нужно отдать должное Петру: примерно с 1715 г. он ослабил давление на купечество — дойную корову самодержавия, ликвидировал многие монополии и откупа. Указом 1 ноября 1719 г. было велено «уволить торговлею в народ» (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 73—75). Этим указом, как и следующим указом на эту тему от 17 января 1721 г., начинается новый этап экономической политики Петра. Купечество вновь получило свободу торговли множеством товаров, в монопольной торговле казны остались только смальчуг и поташ. Но было уже поздно: за почти двадцать лет разнообразных монополий и беспощадной политики исчезла половина купеческих фамилий, имевших столетнюю историю. Из 226 семей (самой состоятельной) гостинной сотни в деле осталось 104 семьи, при резком сокращении их капиталов и фактическом обеднении некогда богатых семейных фирм, теперь промышлявших лишь мелочной торговлей (Павленко, 1978, с. 64—67; Аксенов, 1988). Трудно приходилось и тем, кто принял новые правила игры и пытался воспользоваться шансами, открывшимися в ходе петровских преобразований. Образцом является история бизнеса купца И. С. Стрежнева. Он был одним из первых предпринимателей, которые стали отправлять в Европу корабли с товаром. Но ему на редкость не повезло: в 1708 г. его корабль «Святой Алексей» был захвачен близ Дюнкерка французами (корабль шел в Англию), после долгой волокиты возвращен, но пустым; купленная им на Украине пенька была сожжена во время наступления шведов, два корабля, отправленные — один в Голландию, другой — в Португалию, погибли во время шторма, четыре других были сожжены французами. В итоге, он совершенно разо-

рился, должен был огромную сумму казне (Козинцева, 1962). Конечно, мы понимаем, что из хрупкого купеческого капитала не всегда возникает буржуазия, но другого пути образования этого класса в России не было. Тем самым, Петр резко сузил возможное движение России к капитализму. Добавим к этому, что проведение податной реформы — введение подушной подати, фактически запретившей прежде свободное передвижение населения по стране, а также введение паспортов — все это нанесло страшный удар по тому слою свободных, вольных людей, не связанных службой, крепостной зависимостью. Именно такие люди шли работать на мануфактуры, они же обслуживали торговые пути. Эта категория наемных рабочих — предвестник пролетариата, попросту исчез, законом было даже запрещено использовать термин «вольный», свободный человек, в стране установился жесткий полицейский режим (Анисимов, 1982, с. 254—256).

Государство как строитель промышленности

Казалось, что иначе развивалась достигшая колоссальных успехов при Петре мануфактурная промышленность России. Государство всячески поощряло фабрикантов, передавая им казенные предприятия (особенно яркий пример — деятельность Демидовых на Урале), снабжало их техникой, специалистами, прикрывала их продукцию таможенным пошлинами. Начиная новое дело была представлена «горная свобода» — согласно Берг-привилегии 1719 г. Берг-привилегия позволяла «охотникам рудных дел» заводить на земле любого владельца свое предприятие (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 579). Ею и другими указами объявлялась (немыслимая в других странах с неотчуждаемой без суда собственностью на землю) горная свобода, гарантии права на открытые месторождения и построенные предприятия. Одновременно казна всячески помогала предпринимателю в заведении промышленного предприятия. Берг-привилегия была дополнена 17 января 1721 г. указом об освобождении основателей фабрик и мануфактур от посадских служб, что было чрезвычайно важно — они по-прежнему считались членами посадского общества и, как люди состоятельные, были вынуждены тянуть тягло (Законодательные акты Петра I, 2020). В результате, за два десятилетия усилиями казны и предпринимателей было стремительно построено более 200 мануфактур, ставших, как горделиво пишут порой в популярных работах, основой русской национальной экономики. Но рассмотрим, что это за промышленность была на самом деле?

В последнее десятилетие правления Петра власти, всячески помогая предпринимателям (в том числе установлением монополий, запретом на импорт (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 760—761)), требовали взамен от них полной экономической покорности, исполнения фактически 100%-ного госзаказа (во имя которого

и создавалась промышленность), причем при назойливом контроле, жесткой регламентации на всех этапах производства и сбыта со стороны чиновников Берг-Мануфактур-коллегий (Бабурин, 1939). Во многом эта политика была похожа на французский дирижизм, но отличалась от него большим охватом различных сфер производства, явным пренебрежением к понятиям о праве собственности. Власти практиковали насильственное создание компаний для организации нужного казне производства. Так, «насильством» была создана компания «Полотняный завод» из предпринимателей этого профиля производства (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 4, с. 640). Вся промышленность (да и вообще экономика) была жестко ориентирована на военные и военно-морские нужды, при полном отсутствии конкуренции и свободного рынка рабочей силы. В определенном смысле роковым для петровской промышленности стали 1721–1722 гг. Согласно изданным тогда законам (в целом нарушавших прежний правовой режим) владельцам мануфактур разрешили покупать к производству крепостных, затем, вопреки также прежнему законодательству, было разрешено не выдавать чужих беглых крестьян, если они владеют мастерством, нужным производству (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 6, № 4055 и др.) Так, во имя благих целей развития промышленности приоткрылись ворота для внедрения крепостного права в промышленность. Власть пошла на эту вынужденную меру из-за того, что на производстве не хватало рабочих рук, как в силу общей неразвитости экономики, так и в силу господства в стране крепостного права, к чему добавились жесткие административные меры по борьбе с беглыми, «вольным» и «беспашпортными». Эта тенденция разрастания крепостничества в промышленности увенчалась, уже после смерти Петра, правом мануфактуриста закрепить даже свободного наемного работника и его семью. В итоге петровских реформ, на производстве установился так называемый «вотчинный режим», ничем не отличавший предприятие от владений (вотчин) помещиков. Так был определен столбовой путь русской экономики фактически до Великих реформ Александра II. При этом промышленники получили невиданные прежде льготы и привилегии. Помимо экономических льгот, они стали обладателями и многих социальных преимуществ. Мануфактуристы освобождались не только от посадских служб, но они и их семьи были выведены из-под юрисдикции местных властей и подчинялись только Мануфактур-коллегии. Дарованные предпринимателям привилегии и льготы, прежде принадлежавшие только дворянству, существенным образом повлияли на становление самоидентификации мануфактуристов. В сознании этих вчерашних посадских не сформировались основополагающие социальные понятия, присущие третьему сословию Западной Европы. В то время, как представители третьего сословия во Франции громко заявили о своих правах на Генеральных штатах 1789 г., в России заветной мечтой богатых владельцев мануфактур,

к которым были «приписаны» сотни и тысячи крепостных, становилось вхождение в дворянское сословие. Имея длинный рубль и несомненные заслуги перед государством, многие из них получали дворянство. Эволюция семей Строгановых и Демидовых, у истоков дела которых стояли настоящие самородки — предприниматели, простолюдины по своему происхождению, типична для общей тенденции мануфактуристов слиться с дворянством, пропитаться дворянскими идеалами и предрассудками. В итоге, у русских мануфактуристов не выработалось буржуазной самоидентификации и в России фактически до 1905 г. не оформилось идеологии буржуазии. Здесь нельзя не усмотреть особую традиционную сервильность русской буржуазии, вечную унижительную зависимость отечественных предпринимателей от власти, осознание временности того, что дала власть, а может и отобрать. Не оформилось самоидентификации и рабочих людей как особого класса наемных людей. В XVIII в. во время проведения подушной переписи на заводах даже те работные, которые трудились на предприятии уже в третьем поколении, заявляли о себе как о крестьянах, вышедших на заработки. Да и в сознании чиновников и военных, проводивших переписи, реальный статус рабочих не рассматривался как особый. Их работа (порой многолетняя) на предприятии представлялась лишь одним из занятий посадского или крестьянина. И хотя на производстве делались различия между теми, кого можно назвать кадровыми рабочими и не оторвавшимися от сельского труда крестьянами, но законодатель этой разницы не чувствовал, как и не воспринимал разницы между промышленниками и купцами, идентифицируя первых со вторыми и зачисляя их в общее сословие «купечества» (Анисимов, 1982, с. 215–216).

Тепличность образования промышленности в России самым удручающим образом сказалась на развитии русской экономики. Неконкурентоспособность, низкое качество отечественных товаров — все это стало прямым результатом так называемой петровской индустриализации. Типичным для этой экономики стало и омертвление капиталов, связанное с эксплуатацией крепостного труда. Так, владения предпринимателя Лариона Лугинова оценивались в 1,6 млн руб., из них заводы стоили 306 тыс., а крепостные деревни — 904 тыс. руб. (Павленко, 1978, с. 67–68). Это были, в сущности, пропавшие, омертвевшие деньги, их невозможно было пустить на развитие производства. Неудивительно, что такие предприниматели разорялись, умирали с миллионными долгами, оставленными наследникам.

Последствия петровской индустриализации

Реформы Петра создали крепостническую экономику, возвели непреодолимые препятствия на пути развития капитализма и того, что принято называть прогрессом, демократией. Можно возразить: а какая альтерна-

тива была этой экономике? Ведь в России не было изначальных крупных ростовщических капиталов, банков, дворян-джентри, развитого рынка, в ней традиционно господствовало натуральное хозяйство, очевидно было слабое развитие ремесла, медленно складывался общероссийский рынок, не было свободных городов с магдебургским правом, очевидна была и узость рынка рабочей силы. И все это происходило в стране, в которой жило, по мнению царя-реформатора, вялое, безынициативное население, к тому же наполовину крепостное.

Получалось так, что в России только государство было заинтересовано в развитии экономики. Можно еще сказать, что экономическая политика Петра была потенциально неэффективна, но ведь эта политика принесла России победу в Северной войне, а это было крайне важно для национального существования. К тому в сознании людей царил присущий нашей стране эсхатологизм, опасения, порой небезосновательные, угроз со стороны других держав. Тут кроются основы той спешки, присущей Петру при осуществлении реформ. Новой, ставшей империей России, ведомой царем-реформатором, были нужны могучие имперские армия и флот. Это и определило именно такой — насильственной и крепостнической — индустриализацию Петра.

Но посмотрим на проблему иначе. В 1721 г. завершилась тяжкая Северная война, разорившая народ, и сразу же начался Персидский поход 1722–1724 гг. с перспективой продолжения движения империи в направлении Индии, с проектом завоевания Мадагаскара и т.п. Имперское воображение Петра не имело пределов и это вполне унаследовали его преемники. С петровских времен, когда все возможные точки бифуркации в развитии экономики были затоптаны, экономика России стала (и является до сих пор) составной, имманентной частью имперского организма, смысл существования которого заключен во все новых и новых завоеваниях. Это экономика, теснейшим образом завязанная на империю, обслуживающая почти исключительно империю (как бы она ни называлась) с присущей ей с петровских времен экспансией, согласно известной формуле «У России границ нет».

Заключение

Теперь обратимся к вопросу об уроках петровской экономической политики. Если мы на секунду отвлечемся от господствовавшей тогда имперской политики и представим, что с российской экономики были бы сняты установленные еще Петром пути государства, если была бы разорвано крайне вредное для экономического развития слияние власти и бизнеса и тогда промышленность, бизнес, экономика в целом стали бы развиваться согласно присущим им экономическим законам и общепринятым в цивилизованной мире нормам, то ... тогда неизбежно рухнула бы империя и, соответственно, Россия.

Список литературы

- Акишин, М. О. (2012). Реформа 1699 г.: проведение и итоги. *Меншиковские чтения*, 3(10), 9–20.
- Аксенов, А. И. (1988). *Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии)*. М.: Наука.
- Анисимов, Е. В. (1982). *Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728*. Л.: Наука.
- Бабурин, Д. С. (1939). *Очерки по истории Мануфактур-коллегии*. М.
- Брызгалов, В. В. (2011). *Поморское судостроение на Русском Севере в петровскую эпоху*. Культурные инициативы Петра Великого. Материалы 2-го Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский дом.
- Голиков, И. И. (1838). *Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России*. Т. 6. М.: Типография М. Степанова.
- Дадькина, М. М., & Крайковский, А. В. (2014) «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А. Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере. 1704–1721 гг. *Меншиковские чтения*, 5(12), 71–77.
- Законодательные акты Петра I. (2020). Сборник документов. Воскресенский, Н. А. (составитель). *Древлехранилище*. М., 2–3.
- Козинцева, Р. И. (1962). Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции. *Проблемы источниковедения*, 10, 154–194. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Павленко, Н. И. (1978). Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века. *История СССР*, 3, 49–69.
- Письма и бумаги Петра Великого. (1956). В 13 т. Т. 10. Ответственный редактор Б. Б. Кафенгауз. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Письма и бумаги Петра Великого. (1956). В 13 т. Т. 12 (1). Ответственный редактор Б. Б. Кафенгауз. М.: Наука.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 4. СПб.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 5. СПб.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 6. СПб.
- Репин, Н. Н. (1983). Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. *Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. Сб. статей*. М.: Наука.
- Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. (1872). В 2 т. Т. 2. Составитель Г. В. Есипов. М.
- Сомов, В. И. (1947). Промышленная политика Петра Великого (основные принципы). *Ученые записки МГУ. Политика, экономика*, 123.
- Черкасова, М. С. (1999). Новые документы о деятельности голландского купца И. А. Гутмана в Вологде в конце XVII — начале XVIII века. *Историческое краеведение и архивы*, 5.

References

- Akishin, M. O. (2012). Reformation of the Town Hall in 1699: providence and results. *Menshikov's words*, 3(10), 9–20.
- Aksenov, A. I. (1988). *Genealogy of the Moscow merchants of the XVIII century (From the history of the formation of the Russian bourgeoisie)*. М.: Nauka.

Anisimov, E. V. (1982). *The tax reform of Peter I. Introduction of the poll tax in Russia. 1719–728*. L.: Science.

Baburin, D. S. (1939). *Essays on the history of Manufactories–Collegium*. M.

Bryzgalov, V. V. (2011). *Pomor shipbuilding in the Russian North in the Peter the Great era. Cultural initiatives of Peter the Great. Materials of the 2nd International Congress of Petrovsky Cities*. European House. SPb.

Cherkasova, M. S. (1999). New documents on the activities of the Dutch merchant I. A. Gutman in Vologda at the end of the XVII — beginning of the XVIII century. *Historical local lore and archives*, 5.

Collection of extracts from archival papers about Peter the Great. (1872). Esipov, G. V. (Compiler). T. 2. M.

Dadykina, M. M., & Kraikovskiy, A. V. (2014). “Fishing to try to multiply”: the activities of the Greasy company of A. D. Menshikov and marine crafts in the Russian North Menshikov readings. *Historical illustration*, 5(12), 71–77.

Golikov, I. I. (1838). *The deeds of Peter the Great, the wise Transfigurator of Russia*. T. 6. M.: Printing house of M. Stepanov.

Kozintseva, R. I. (1962). The development of the first Russian customs tariff and its revision. *Problems of source studies*. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Legislative acts of Peter I. (2020). *Collection of documents*. Voskresensky, N. A. (compiler). *Drevlekhranishche*. M., 2–3.

Letters and papers of Peter the Great (January — December 1710). (1956). Responsible editor Kafengauz, B. B. (Responsible editor). M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Letters and papers of Peter the Great (January — December 1710). (1956). Responsible editor Kafengauz, B. B. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 12 (1).

Pavlenko, N. I. (1978). Trade and industrial policy of the Russian government in the first quarter of the XVIII century. *History of the USSR*, 3.

Repin, N. N. (1983). Changes in the volume and structure of exports of the Arkhangelsk and St. Petersburg ports in the first half of the XVIII century. *Industry and trade in Russia of the XVII–XVIII centuries*. Collection of articles. M.: Science.

Somov, V. I. (1947). Industrial policy of Peter the Great (basic principles). *Scientific notes of MSU. Politics, economics*, 123.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 4. St. Petersburg.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 5. St. Petersburg.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 6. St. Petersburg.